

При стольких свидетелях он не мог проявить пристрастность, иначе в будущем ему было бы трудно управлять армией. Поэтому он изменил решение на ходу и наказал Сяо Лэ пятьюдесятью ударами палки.

Пятьдесят ударов палкой — не слишком много, но и не слишком мало, однако, если их нанести по-настоящему, этого было достаточно, чтобы Сяо Лэ поплохело.

Если бы на её месте был человек слабого телосложения, его могли бы забить до смерти на месте.

Наказывая при всеобщем обозрении, чтобы показать справедливость, при таком количестве свидетелей даже если под палкой находился вице-маршал всей армии, палач не мог позволить себе проявить снисходительность.

Удар за ударом обрушивались на тело Сяо Лэ. Она стиснула зубы, не издав ни звука, и к концу пятидесяти ударов едва не потеряла сознание.

Однако, к счастью, она сохранила рассудок и наотрез отказалась от помощи военного врача. Разразившись гневом, она выгнала всех из своей палатки, оставив при себе только лекарство от ран.

Военный донесение достигло Пинцзина за тысячи миль спустя несколько дней и было доставлено на стол Су Лоян.

Слева лежало письмо от Сяо Лэ, справа — доклад. Су Лоян открыл доклад в черной обложке, написанный лично Су Чэном.

Увидев строку «наказан пятьюдесятью ударами палки для поддержания военной дисциплины», она слегка нахмурилась.

Затем она вскрыла конверт с письмом Сяо Лэ. В нём не было ни слова о наказании — вероятно, Сяо Лэ не хотела беспокоить Су Лоян, — но содержалось глубокое раскаяние и самоанализ по поводу поражения в битве.

Также в письме упоминались некоторые бытовые мелочи и выражения тоски.

— Ваше Величество, неужели дела на границе идут неблагополучно? — спросил А-Чжэн, служивший рядом. Он заметил легкую гримасу на лице Су Лоян и потому задал этот вопрос.

Су Лоян закрыла доклад и произнесла слова, которые озадачили А-Чжэна:

— Ничего серьезного. Пусть она поучится на своих ошибках, так даже лучше.

На следующий день на утреннем приёме министры, узнавшие о случившемся, подали прошение об отставке Сяо Лэ, требуя, чтобы Су Лоян издала указ о наказании, лишила её звания вице-маршала и назначила на эту должность другого человека.

Основанием послужило то, что, будучи главнокомандующим, она не смогла отличить предателей от верных, что привело к напрасной гибели наших солдат. В этом усматривалась халатность.

Неудивительно, что за Сяо Лэ охотились за малейшую ошибку. Такой молодой генерал четвёртого ранга, которому Ваше Величество лично пожаловало резиденцию и присвоило

звание вице-маршала, не мог не вызывать зависти.

Самое главное, Сяо Лэ была одинока, за её спиной не стояло никаких политических сил, она была «одиноким министром». Когда она находилась в Пинцзине, различные группировки пытались завоевать её расположение, но Сяо Лэ держалась холодно и не проявляла желания сближаться ни с кем.

Теперь, когда она отправилась на границу, это был отличный случай, чтобы вытеснить её из политики. Естественно, все хотели свалить её, чтобы продвинуть своих людей.

Ведь во все времена военная власть означала реальную силу.

Когда кто-то использовал подобные аргументы для обвинения Сяо Лэ, Хэ Янь, естественно, не мог молчать. Сяо Лэ была его выдвиженцем, и он тут же выступил с резкой отповедью.

— Разве бывают войны, где только победы и нет поражений? Вы, гражданские чиновники, только и знаете, что сражаетесь друг с другом в тронном зале. Кто не умеет болтать? Если вам так нравится обвинять, пошли бы сами на фронт и попробовали повоевать!

Военные, как правило, вспыльчивы, большинство из них выходцев из простых семей, и их грубая речь обычно прощалась. Но слова Хэ Яня равносильны оскорблению всех гражданских чиновников.

Тут же цензоры не выдержали. Их задача — наблюдать за поведением министров и даже самого императора. Хэ Янь выразился неподобающе, оскорбив всех гражданских чиновников.

Даже Су Лоян они не боялись критиковать, не говоря уже о Хэ Яне, главнокомандующем армией.

— Генерал Хэ, разве вы не считаете свои слова неуместными? Военные защищают страну, гражданские управляют государством, у каждого свои обязанности, как можно их смешивать? Генерал Хэ, раз вы так считаете, позвольте мне предложить вам составить план по борьбе с последствиями стихийных бедствий. Интересно, справитесь ли вы?

Обе стороны стояли на своём, не уступая друг другу.

Разногласия на утренних приёмах были обычным делом, подобные перепалки происходили почти каждые два-три дня.

Су Лоян сохраняла спокойное выражение лица, и её мысли было трудно угадать. С тех пор как она заняла этот трон, её рост был поистине стремительным.

— Мои министры, все вы говорите разумно, и я действительно не знаю, кого слушать. Сяо Лэ действительно совершила серьёзную ошибку, но, учитывая многочисленные заслуги генерала Сяо в прошлом, нельзя отрицать её способности из-за одного промаха. Это было бы слишком поспешно и могло бы охладить сердца солдат. Я считаю, что лучше отложить этот вопрос и посмотреть на дальнейшие результаты. Что вы думаете, министры?

Хотя слова Су Лоян были мягкими, в них явно сквозило покровительство.

— Но...

Кто-то хотел возразить, но взгляд Су Лоян изменился, и она резко окинула взглядом всех

присутствующих в зале.

— В последнее время мне пришли донесения, что средства, выделенные на помощь пострадавшим в Хуайане, значительно отличаются от суммы, которую я выделила. Я обязательно разберусь в этом деле до конца и сурово накажу виновных! Если у кого-то из вас есть идеи, не стесняйтесь, поделитесь со мной.

После этих слов в зале воцарилась тишина. Никто больше не хотел нарываться на неприятности, или, возможно, те, кто был замешан в деле Хуайаня, сами были в опасности, но обвинения в адрес Сяо Лэ больше не упоминались.

Очевидно, Су Лоян прекрасно знала, что дело Хуайаня уже было тщательно расследовано Храмом Дали.

Виновными оказались те самые чиновники.

Они не знали, что их преступление раскрыто, и продолжали прыгать в зале, обвиняя то одного, то другого. Поэтому она решила дать им намёк, чтобы они заткнулись и перестали цепляться за Сяо Лэ.

В Пинцзине на поверхности царило спокойствие, но под ним бушевали скрытые волны.

Что касается границы, Сяо Лэ, едва проболев в постели полмесяца, снова могла ходить, хотя при ходьбе всё ещё чувствовала боль и не могла сидеть слишком долго.

Ранение Ду Фэя было более серьёзным. Как гласит поговорка: «Повреждение сухожилий и костей заживает сто дней». На его спине была глубокая рана, доходящая до кости, и ему предстояло ещё долго лечиться.

За это время Су Чэн несколько раз вступал в бой с северными ху, и результаты были примерно равными, но Великая Ся всё же смогла удержать преимущество.

Чжэньцзинь не переставала думать о серебряном браслете, который Сяо Лэ силой забрала у неё, и искала возможность вернуть его.

К сожалению, в последних стычках она не смогла найти Сяо Лэ, что вызвало у неё разочарование.

Неужели этот белолицый парень был наказан по военному закону за то, что не уследил за важным преступником?

Если Сяо Лэ умерла, что же будет с реликвией, оставленной ей матушкой?

Пока Чжэньцзинь думала о своём серебряном браслете, Сяо Лэ тоже думала о Чжэньцзинь, но Сяо Лэ больше волновало то, что она дважды проиграла Чжэньцзинь, и она планировала, как взять реванш.

Дни шли за днями, и незаметно прошло три месяца с тех пор, как Су Чэн и его люди прибыли сюда.

Тогда Су Чэн по дороге сказал Сяо Лэ, чтобы она не волновалась, они скоро вернуться, но эти слова оказались пустым звуком.

В этот день Сяо Лэ, как обычно, возглавила небольшой отряд для патрулирования степей, но

неожиданно столкнулась с Чжэньцзинь, возвращавшейся из племени Ду Ши.

Они издалика посмотрели друг на друга, и Сяо Лэ на мгновение ослепил свет, отражённый от маски на лице Чжэньцзинь.

Воздух словно замер на несколько секунд.

Затем Чжэньцзинь, взмахнув кнутом, развернула лошадь и бросилась в бегство.

Увидев такой поступок Чжэньцзинь, Сяо Лэ на мгновение замерла, но тут же опомнилась и закричала:

— Быстрее, догоняйте!

Чжэньцзинь, скача на лошади, постоянно оглядывалась назад. Сяо Лэ и её люди преследовали её так близко, что оторваться было невозможно.

В душе она не могла не стонать. В последнее время она действительно хотела найти Сяо Лэ и вернуть браслет, оставленный ей матушкой, но только не сейчас и не здесь.

На этот раз она по приказу хана отправилась в племя Ду Ши с письмом, взяв с собой всего несколько десятков человек. Хотя у Сяо Лэ людей было не намного больше, но всё же немного больше, и в случае боя исход был бы неясен. Чжэньцзинь действительно не хотела затягивать противостояние в таком месте.

Сопровождавшие Чжэньцзинь ху, видя, что солдаты Ся преследуют их так настойчиво, чувствовали себя униженными. Но, подумав о статусе Чжэньцзинь, они не могли позволить себе рисковать здесь.

— Принц Чжэньцзинь, вы идите вперёд, мы задержим этих солдат Ся, а потом догоним вас.

Когда Чжэньцзинь была на людях, её обычно называли принцем.

Несколько десятков ху натянули поводья, вытащили из-за пояса кривые сабли и бросились на преследователей.

Чжэньцзинь поняла их намерения и не стала тратить время на разговоры, продолжив скакать вперёд.

Не говорите мне, что вы все ушли праздновать Ци Си.

Для кого же я тогда добавляю главы?

<http://bllate.org/book/16780/1542965>